

ГЛАВА 1

Очередное утро для Гурова выдалось нервным и беспокойным. Он шел на работу и понимал, что его ждет великое множество дел и еще что-то, так подсказывала интуиция. Дорога от дома до его кабинета составляла ровно 48 минут. Ходил он всегда пешком, чтобы насладиться утренними пейзажами просыпающегося города. Лев Иванович знал каждый закоулок по дороге на работу и ожидал увидеть постоянных обитателей улиц, которых встречал ежедневно. Так, во дворе соседнего дома в 6.43 почти всегда можно было увидеть худого дворника, лениво взмахивающего метлой. Метрах в двадцати от светофора, в арке, местные жильцы обычно подкармливали котов. Среди котиков особенно ласковым был рыжий хвостатый Васька/ Гуров никогда не упускал возможности погладить этого наглого кота и даже иногда баловал его каким-нибудь лакомством. Сегодня день не задался: светофор сломался, а рыжий Васек не пришел поприветствовать Льва Ива-

новича. «М-да, то ли еще будет...» — пробормотал Гуров, недоуменно приподнимая брови, и двинулся вперед.

Перед тем как войти в кабинет, Гуров попытался взбодриться и настроиться на работу. Только хороший настрой помогал сыщику расследовать самые сложные преступления и выполнять задания с максимальной отдачей и педантичностью. Негатива хватает везде, поэтому Гуров культивировал и возвращал в себе иногда искусственно то, чего не хватало в его далекой от романтики работе.

Едва Лев Иванович вошел в кабинет и пожал руку своему напарнику Крячко, который, к удивлению, сегодня не опоздал на работу, как в дверном проеме показался начальник. На лице Орлова расплывалась улыбка, он лукаво подмигивал. Такое поведение было несвойственно генералу, поэтому оно не забавляло, а настораживало Гурова и Крячко. И тут тело Орлова сдвинулось в сторону и пропустило вперед стройную и чертовски привлекательную девушку.

— Знакомьтесь... Анна Шувалова — студентка юридического факультета университета МВД, прибыла в наше Управление уголовного розыска для прохождения производственной практики. Прошу любить и жаловать и постараться приложить максимум усилий, чтобы передать ей все свои навыки и знания, — заявил генерал.

— Здравствуйте! — твердым тоном произнесла Анна, однако пунцовый румянец выдавал смущение девушки.

— Спортсменка, умница, красавица и, надеюсь, толковый следователь в будущем, — продолжал Орлов расхваливать студентку и одновременно наблюдал за реакцией Гурова и Крячко. — Ну что, господа полковники, рады такому цветку в своем сером однотонном кабинете?

Крячко был околдован яркой внешностью Анны и не сводил с нее глаз, а вот у Гурова в выражении лица не прослеживалось особого восхищения по поводу появления в кабинете девушки. Без особого стеснения Лев Иванович выдал хлесткую фразу:

— Надеюсь, этот «цветок» будет не просто растением и украшением кабинета?.. А впрочем, так даже проще.

От улыбки Орлова мгновенно не осталось и следа. Такую дерзость в своем присутствии генерал-лейтенант стерпеть не мог, но и открыто отчитывать Гурова он не собирался, уж слишком значительным был вес этого опера.

— Зайди ко мне, — бросил Орлов Гурову. — А ты, Аннушка, располагайся, знакомься, не стесняйся.

Гуров поправил и до того идеально сидящий на нем серый костюм и вышел вслед за генералом.

Лев Иванович понимал, что не сдержался, сказал лишнее, но чувствовал себя уверенно, потому как работы у него и так выше крыши, а к ней теперь еще прибавляется волокита с практиканткой.

— Петр Николаевич, прошу прощения, но я не в бирюльки играю, у меня дел — пруд пруди, нераскрытых — вагон и маленькая тележка, рук не хватает, а мне практиканток сопливых подкидывают.

— Не горячись, проходи, присаживайся, — спокойным тоном заговорил Орлов. — Чего сразу ершишься? Даже не похоже на тебя, Лева! Мне ли не знать, сколько у тебя работы, но я бы просто так тебя не потревожил. Доверяю тебе, как самому себе, поэтому и девчонку хочу в надежные руки отдать, чтобы не для галочки практику прошла, а бесценный опыт получила, понимаешь?

— Понимаю, только от этого не легче.

— Анна — талантливая девчонка, вся в отца — моего боевого товарища, которому я жизнью своей обязан. Когда-то он меня вытащил из такой передрыги в Чечне, что вспоминать страшно. На своем собственном горбу меня с серьезным проникающим ранением нес по минному полю. Такое по телику не покажут. Сам с осколочными был, а не бросил. С тех самых пор я Сережке по гроб жизни...

Генерал замолчал, отвернулся к окну и незаметно смахнул слезу, ту, скупую мужскую,

за которую не должно быть стыдно. Натерпелся. Гуров не ожидал такого поворота событий, он знал, что Орлов воевал в Чечне, но никогда из его уст не слышал ни слова про это, а тут такие откровения, да еще и из-за кого — из-за какой-то сопливой девчонки. Значит есть резон взять шефство над девицей.

После минутной паузы Гуров выдал:

— Не переживай, Петр Николаевич, информацию принял и понял, покажу студентке все прелести нашей профессии, только бы не сбежала. Я же тоже, когда выпускался, грезил о том, что сутки напролет буду жуликов ловить да преступления раскрывать, а оказалось, что бумажной работы чуть ли не в два раза больше, чем практической.

— Вот и ладненько, — воодушевился Орлов и потянулся рукой к бумажке на столе, — вот тебе и повод для первого боевого крещения девушки. В квартире на Патриарших прудах обнаружен труп пожилой женщины с признаками насильственной смерти. Этот труп очень ждет, когда Гуров и Крячко явятся по адресу вместе с Анной и досконально изучат, чем, а главное — кому помешала старушка. Поспешай! В квартире собралась любопытные соседки, которые так и норовят затоптать следы преступления. Бабульки утверждают, что пропало что-то весьма ценное.

— Есть поспешать!

Тем временем Анна коротала время с Крячко, который без стеснения пожирал ее глазами. Девушка не была обделена вниманием мужчин и своим хладнокровием могла без лишних слов поставить на место кого угодно, и Крячко не стал исключением.

— Студентка, значит, выпускница, — то ли спрашивал, то ли утверждал Стас.

— И студентка, и выпускница, и будущий следователь, надеюсь, если Гуров не сошлет меня практиковаться куда-нибудь в архив. Кажется, он мне не особо рад.

— Не бери в голову. Лев Иванович строгий, но отходчивый. Сразу ждать от него милости не стоит, но если будешь нам помогать, то примет в команду.

— А вы давно вместе работаете?

— Давно, некоторые столько не живут, — ухмыльнулся Крячко. — Около двадцати лет.

— А говорят, что в уголовном розыске больше пятнадцати лет не работают, слишком тяжело.

— Это слабаки столько не работают, а мы с Львом Ивановичем стойкие оловянные солдатики. Почему выбрала юридический?

— С детства мечтала стать следователем. Отец работает частным детективом, а мне всегда хотелось работать в государственной структуре, потому что больше возможностей. Очные ставки, допросы, опознания — такого частные детективы лишены.

Тут вошел Гуров, окинул взглядом присутствующих и спросил:

— Ну что, пора отправляться навстречу приключениям. На Патриарших труп. Через пару минут выдвигаемся. Если есть особо впечатлительные — заставляйте не станем, можно остаться на месте и погрузиться в изучение всяких бумажек. Как такой расклад? — взглянул полковник на Аню.

— Лев Иванович, возьмите с собой, буду тихой как мышка, вы меня даже не заметите. А бумажки я обязательно изучу в свободное от трупов время.

— Ладно, так и быть. Тогда боевая готовность — две минуты, карета уже ждет внизу.

ГЛАВА 2

Когда речь заходит о Патриарших прудах, сразу вспоминаются мистические сюжеты с участием булгаковских героев. Кажется, что прохожие здесь всматриваются в лица и пытаются узнать друг в друге Мастера, Маргариту, кота Бегемота, Азazelло, Коровьева... Между тем это место притягивает, манит не только москвичей, гостей столицы, но и отъявленных жуликов, стремящихся поживиться чем-то смачным у зажиточных обитателей района.

Люди на Патриках живут непростые — сплошь заслуженные деятели искусств, науки

или представители элиты разных поколений. И сейчас, и раньше приобретение квартиры в центре Москвы было по силам далеко не всем, поэтому даже престарелые жильцы из этого района значительно отличаются от тех, что живут на окраинах города.

Сегодня на Патриарших вместо мистики подают криминал. Машина уголовного розыска марки «Форд Фокус» была подана прямо к подъезду дома. Гуров и Крячко без спешки и суеты вышли из машины и незаметно для прохожих и зевак начали осматривать местность, так, что даже Анна не поняла, что расследование преступления уже началось. Чтобы разрядить обстановку, Гуров подкалывал практикантку:

— Ну что, Аннушка, сработало твое маслице?

— Лев Иванович, я маслицем не пользуюсь, заправляю салаты исключительно лимонным соком, — не растерялась девушка.

Крячко быстро прикинул примерное расположение квартиры: первый подъезд, четвертый этаж, угловая. Гуров в это время рассматривал содержимое урны, стоящей рядом со скамейкой.

— Лева, есть что-нибудь интересное?

— Да тут как сказать: для бомжей есть пара алюминиевых банок, для коллекционеров имеется винтажная упаковка «Беломора», а для нас — черт его знает.

— Анна, настал твой звездный час, — опять с издевкой обратился Гуров к практикантке.

Глаза девушки расширились от удивления. От неожиданного обращения она машинально сделала шаг назад: полковник недвусмысленно давал понять, что стоит выпотрошить урну. Через секунду Аня пришла в себя и подумала: «Что же ты, белоручка что ли? Как работать собираешься?»

— Я готова, Лев Иванович, — громко выпалила Анна.

— К чему? К труду и обороне? — улыбнулся Гуров, понимая, что девчонка купилась на его шутку. — Фотоаппаратом пользоваться умеешь?

— Приходилось.

— Тогда расчехляй прибор, сейчас будет фотосессия для глянцевого журнала под названием «Уголовное дело».

Полковник нырнул в багажник авто, достал сумку, вручил ее Ане и пошел дальше что-то выяснять у Крячко. Девушка аккуратно, но оперативно достала фотоаппарат и быстро разобралась, что к чему, ведь у нее была техника этой же фирмы, а она мало чем отличается друг от друга.

Первое, что сделала Аня, — проверила карту памяти, сколько осталось свободного места. Все 64 гига были заполнены. Она нажала кнопку воспроизведения, и ей открылись жуткие кадры, которые и перелистывать

было страшно: обгоревшие тела, сторевшие машины, кровь, квартира, кем-то перевернутая вверх дном. На миг ей показалось, что это не реальная съемка, а кадры из фильма ужасов, настолько впечатлял этот материал. По коже пробежала дрожь, но практикантка старалась внешне не демонстрировать испуг, потому что понимала: Гуров может наблюдать за ней, он-то точно знает, какой должен быть эффект от увиденного.

— Я могу отформатировать карту памяти? — обратилась Аня к Гурову.

— Формировать чего? — недоумевающая, переспросил Лев Иванович.

— Ну, удалить все записи с флешки могу? Совсем нет места, фотосессия может не состояться.

— А, это... Можешь, конечно. Все давно скопировано, даже распечатано и приобщено к материалам дел. Так что вперед, с чистого листа, так сказать, за новыми героями для «журналов».

— Готово.

— Вот и славно. Первая локация — двери подъезда с номером, вторая — угол дома с номером, третья — урна с мусором. Ничего не упускаем из виду, все фиксируем.

— А мусор зачем? Там все-таки что-то есть?

— Об этом история умалчивает. Твоя задача: максимум полезных действий и минимум вопросов. Идет? — оборвал Гуров Аню.

— Идет, — виновато согласилась практикантка.

— Стас, будь добр, прихвати мусор из урны и давай за нами на четвертый, уже и так задержались здесь.

— Будет сделано, Лев Иванович, мы не гордые, можем и в мусорках поковыряться. Шучу, все будет в лучшем виде, — не скрывая хорошего настроения, подыгрывал товарищу Стас.

ГЛАВА 3

Поднимаясь по лестнице, Гуров не упустил возможности проверить уровень подготовки своей подопечной. Определение «хорошая девочка» даже из уст Орлова для него ровным счетом ничего не означало. Лев Иванович страсть как не любил растрачиваться на глупых людей, потому что время и собственные нервы и силы всегда были главными ресурсами в его жизни.

— Ну что, Аннушка, с чего начинать-то будем, как думаешь? Как вас там в ваших институтах сейчас учат? Может, уже мне переручиваться нужно?

— Мы учили теорию, а она, как известно, не всегда применима на практике или может отличаться, поэтому я буду руководствоваться здравым смыслом и брать пример с вас.

— О как! Мудрый ответ, а главное, и придраться не к чему, и даже лестью попахивает. Представь, меня рядом нет, и ты руководишь сейчас всем процессом расследования самостоятельно. Что бы ты сделала в первую очередь, прежде чем войти в квартиру? — поднимаясь по ступенькам, спросил Гуров.

Анна остановилась на лестничной площадке и задумалась.

— Думаю, прежде всего нужно найти понятых, чтобы вместе с ними проследовать на место происшествия. Правильно?

— Ну, уже что-то, но не совсем верно.

Анна ожидала, что сразу последует правильный ответ, но тут Гуров остановился на середине лестничного пролета и стал рассматривать стену. Ничего примечательного на ней не было. Типичный подъезд жилого дома со скромным ремонтом от управляющей компании, которая зажимает в своих карманах каждую копейку: краска и побелка. В этом доме УК даже жаднее, чем в остальных: чтобы уменьшить расход краски, она сделала площадь покрытия ниже метра от пола, так что подъезд стал больше походить на меловые пещеры, нежели на многоэтажку на Патриарших.

Гуров провел рукой по побелке, оценил свой измазанный палец и продолжил:

— Так что там, не придумала других вариантов?

— Жду ваш.

— Слушай и мотай на ус: ты должна первым делом изучить обстановку на месте, выявить вероятные пути отхода преступника и объекты, к которым он мог прикасаться, а потом уже приступать к поиску понятых, чтобы при них зафиксировать выявленное, а не ломиться сразу напрямую к труп. Уяснила?

— Угу.

— Вот и проверим на практике, как ты усвоила материал, — заключил Гуров, остановившись у двери квартиры, в которой произошло убийство.

Аня растерялась, но не позволяла себе спешить и выдавать первое, что пришло на ум. Она подумала и решительно сообщила:

— Нужен криминалист, чтобы проверить наличие следов ног на полу и рук — на входной двери, и не только.

— Здравая мысль. Будет тебе специалист-криминалист. Уже вызвал.

ГЛАВА 4

Импровизированный экзамен прервал скрип медленно открывающейся двери. В образовавшуюся узкую щель выглянула старушка и с любопытством осмотрела по очереди Гурова и Анну. Она чем-то напоминала улитку, которая осторожно изучает окружающую среду рожками и, если ей что-то не нравится, тут же

ныряет в свою раковину. Обстановка, по-видимому, располагала к тому, чтобы старушка вышла из своего панциря, вернее, квартиры. На площадке появилась женщина лет восьмидесяти, невысокого роста, сутулая, в длинном плюшевом халате с арабским узором и махровых тапочках, больше походивших на мюли. Ее домашний наряд был пестрый, яркий, что, пожалуй, не сочеталось с ее кротким видом.

— Здравствуйте! Вы, по всей вероятности, по поводу случившегося? — начала женщина разговор. — Меня зовут Зинаида Филипповна Новикова, я — соседка Татьяны Николаевны.

Полковник, сделав паузу на несколько секунд, нескромно осмотрел явившееся «чудо» в фильдеперсовом одеянии и начал издаലെка:

— День добрый, Зинаида Филипповна, а что, собственно, у вас тут произошло?

— Беда, беда у нас случилась, — прошептала старушка, — убили...

— Что вы говорите?! — удивленно в ответ прошептал Гуров. — И сыщики приезжали?

Старушка замолчала, от удивления приоткрыла рот и через мгновение пропищала:

— А разве вы не из уголовного розыска?

Гуров сжалился и успокоил женщину:

— Из него самого, только вот впредь будьте аккуратны и секреты незнакомым людям не выдавайте, мало ли чего, — подмигнул полковник Зинаиде Филипповне. — А теперь расскажите мне, чего тут стряслось?

Бабулька понимающе кивнула, будто теперь она была принята на работу тайным агентом сысского отдела, миссия которого — всесторонняя помощь в раскрытии преступления, и начала свой рассказ, все так же стараясь говорить шепотом, чтобы никто ее не услышал:

— Мы с Танечкой всегда очень дружили, всю жизнь прожили бок о бок. Бывало, что ссорились, но так, чтобы серьезно и надолго, — никогда. Представьте, я ее больше пятидесяти лет знаю... Знала... Ой... — всхлинула Зинаида Филипповна и начала вытирать слезы.

— Успокойтесь, не волнуйтесь, постарайтесь вспомнить самое важное, как дело было, слезами горю не поможешь, — подбодрил старушку Гуров.

— Да-да, верно, не поможешь. Так вот, Танюшу я знаю еще с тех пор, как нам с моим покойным мужем дали квартиру в этом доме. Мы работали преподавателями в педагогическом университете, занимались наукой, долго жили в общежитии, а потом подошла наша очередь на квартиру. Не без стороннего содействия нам выделили именно эту жилплощадь, чему мы с мужем были безмерно рады. Татьяна Николаевна с супругом на тот момент уже жила здесь. О том, как они получили квартиру на Патриарших, мне неизвестно, знаю только, что отец Тани был высококлассным ювелиром, — совсем тихо произнесла последнее слово Зинаида Филипповна.

— Вот оно как, — поддерживая беседу, протянул Гуров. — А что, и вам доводилось видеть на соседке драгоценные украшения?

— Хех, само собой! — ухмыльнулась женщина. — Таких украшений, как у Татьяны, я ни у кого не видала. Вот уж действительно, в Советском Союзе все делалось на совесть, а тут — не просто качественно, а виртуозно, можно сказать. Знаю, что отец Тани — Николай Аронович — сперва окончил художественную школу, а потом перенимал опыт у ювелира, который был знаком с самим Фаберже. Этот учитель стал одним из основателей артели, которая позже переросла в ювелирную фабрику в Москве, а Николай Аронович делал уникальные вещицы в частном порядке. Талантливый был человек, такие чудесные украшения создавал. Таня любила вспоминать отца, она очень гордилась им, а бриллианты свои обожала так, что готова была нацепить на себя все самое лучшее и в таком виде отправиться в булочную. Я всегда ее остерегала, ведь вокруг столько подонков, готовых на все ради наживы, а она не слушала.

— А что за украшения, помните? — полюбопытствовал Гуров.

— Ну конечно, — поторопилась с ответом Зинаида Филипповна и покраснела. — Нет, вы не подумайте, я так, ради интереса рассматривала, никакой зависти, а тем более корыстных намерений я не имела.

— Я все понимаю, просто красивые вещи, так что там было?

— Ну, во-первых, несколько ожерелий с разными камнями. Одно — с крупными сапфирами — изумительно красивое: такая синева камней, что сложно передать, разве что с небом морозным сравнить можно. Второе — жемчужное. Классический вариант на все времена, именно его очень любила Таня, хотя вкуса, как я считаю, у соседки моей не было совершенно. На детях, известно, природа отдыхает. Разве можно дачный комбинезон сочетать с жемчужным ожерельем?.. Было еще аккуратное кольцо с изумрудами; брошь с бриллиантами и рубинами; серьги, конечно, — припоминаю пар пять, не меньше; браслеты и даже диадема, представляете!

— Сколько всего! — удивился Лев Иванович.

— Да, а что вы хотели, завидная невеста была, только вот замуж во второй раз Таня так и не вышла. Мужа, Александра Тимофеевича, похоронила двадцать лет назад, и лучше, чем покойный супруг, спутника она не нашла.

— А что же у вас тут целый вдовый дом? Мужчины имеются?

— Имеются, только все старые, как мое побитое молью пальто. Не жилая многоэтажка, а дом престарелых.

— Зинаида Филипповна, так, а сегодня что у вас произошло?

— Да-да-да, я все стараюсь обстоятельно рассказывать, мало ли, вдруг пригодится... К Танечке каждый день приезжал утром курьер — она заказывала готовую еду из ресторана. Варить супы у нее не было желания, а хорошая пенсия и приличный счет в банке позволяли завтракать, обедать и ужинать рябчиками из ресторанов. Так вот, сегодня доставщик не приехал. Я на каждый шорох, на каждый чих реагирую, не было никого утром. Я не придавала этому сначала никакого значения, а потом слышу — на площадке какая-то суета. Оказывается, Лидка выводила свою псину на прогулку и обратила внимание на то, что дверь у Татьяны открыта, а потом я услышала, как она звонит нашему участковому, Олегу Михайловичу.

— А Лидка — это кто?

— Лидия Семеновна Туманова, вот ее квартира, — старушка указала на соседнюю дверь на лестничной площадке. — Наисквернейшая особа. Завистливая, мелочная, склочница, никто ее в доме не любит. Она все в гости к Татьяне захаживала, в подружки набивалась, чтобы выпросить что-нибудь. Пенсия маленькая, платежи по квартире огромные, а дети не помогают, да и с чего бы — она ведь им раньше тоже помощи никакой не оказывала. С внуками не общается, с остальными соседями сквозь зубы разговаривает. Тьфу, даже говорить о ней не хочу.

— Так это Лидия Семеновна обнаружила труп?

— Она. Меня рядом не было, больше ничего про это сказать не могу.

В это время послышался сильный топот снизу, будто целый табор разом поднимался по лестнице.

— Вот тебе, Лев Иванович, специалист-криминалист, понятые, участковый и я собственной персоной, — доложил Крячко.

Зинаида Филипповна попятилась в свою квартиру, будто и не было вовсе никакого разговора до этого. Гуров приказал эксперту приступать к работе, а сам отправился в логово скверного человека — Лидии Семеновны Тумановой.

ГЛАВА 5

Дверь открыла вовсе не мегера или вурдак, а довольно приятная пожилая женщина лет семидесяти. Выглядела она опрятно: волосы собраны в тугий пучок, одежда скромная, чистая и подчеркнута строгая — светлая блузка с ажурным воротником и длинная черная юбка. Гурову эта женщина напомнила героиню фильма про аристократов, оказавшихся в нищете, но из последних сил старающихся выглядеть достойно.

— Здравствуйте, позвольте представиться, я — старший оперативный уполномоченный

по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России полковник Гуров Лев Иванович. Мне нужно задать вам несколько вопросов, вы не против?

— Здравствуйте, да, конечно, задавайте. Даже если бы я была против, разве это вас остановило бы? — вдруг пошла в наступление «милая» старушка.

Гуров немного растерялся, он не ожидал такого ответа и даже сменил тон:

— Заставить я вас не могу, это не допрос, а просто беседа, опрос граждан, так сказать, и смею напомнить, что есть статья пятьдесят первая Конституции РФ, согласно которой вы имеете полное право не свидетельствовать против себя, супруга и своих близких. Выбор ваш, не смею настаивать. — Гуров собрался уж было уходить.

— Нет-нет, постойте, я не это имела в виду. Просто иногда я неправильно выражаю свои мысли, и многие считают меня грубой и злой.

«Да весь дом!» — подумал Гуров, но терпеливо смотрел на Туманову.

— Ближе к делу: да, это я обнаружила тело Татьяны. До сих пор не могу прийти в себя от увиденного, — театрально приложила длинные пальцы к вискам Туманова. — Утром, часов в восемь, вышла на прогулку с собакой. Спешила, по сторонам даже не смотре-

ла, а обратно возвращалась и увидела, что дверь не заперта. Я осторожно приоткрыла и окликнула Таню, но она не ответила. Тогда я заглянула внутрь квартиры, а потом прошла в спальню, где Татьяна Николаевна обычно сидела за журнальным столиком, а там... А там ее тело с пробитой головой и застывшей лужей крови. Ужасное зрелище. Сразу позвонила участковому, потому что медиков вызывать уже было бессмысленно.

— А почему участковому, а не в полицию?

— Мы с ним часто общаемся, я ему спуска не даю, пусть работает, а не прохлаждается.

Туманова замолчала и опустила глаза, давая понять, что разговор окончен и больше откровений от нее ждать не стоит. У Гурова были еще вопросы, но злоупотреблять он не стал, оставив на потом выяснение деталей.

ГЛАВА 6

— Ну что, Лев Иванович, пальчики откатал, милости прошу в дом, — с привычной для него самой фамильярностью обратился к Гурову эксперт-криминалист.

Гуров вошел в квартиру... С первых шагов Лев Иванович понял, что преступник не зря выбрал эту жертву, здесь было чем поживиться. Просторные комнаты оказались буквально забиты от пола и до потолка разными

ми предметами антиквариата. Здесь и картины, и старинная мебель, и вазы — все, к чему не прикоснешься, стоит баснословных денег, это даже простому человеку, ничего не смыслящему в предметах старины, было ясно. Только вот все эти раритетные штучки четко располагались на своих местах, не было ничего, что выдавало бы опустевшее пространство. Гуров проследовал в угловую комнату, где находилась спальня хозяйки, которая по внешнему виду напоминала будуар. Как-то сыщику доводилось бывать на спектакле по пьесе Островского «Невольницы», в нем играла его жена, так вот там декорации были точь-в-точь как у владелицы этой квартиры.

Интерьер в стиле ренессанс, безусловно, был ярок и наряден. Стиль прослеживался в дорогой отделке мебели из массива, в тяжелых шторах с витиеватым вензелевым рисунком золотой нитью, огромном персидском ковре на полу. Убитая женщина находилась в центре комнаты под светом хрустальной люстры с канделябрами.

— Ну что, Стас, приступаем?

— Так точно, Лев Иванович, — ответил Крячко, поудобнее устраиваясь на пуфе рядом с журнальным столиком.

— Об обстоятельствах происшествия со слов соседки из тридцать восьмой квартиры, Зинаиды Филипповны Новиковой, известно...

— Ого, когда это вы успели? — прервал Гурова Стас.

— Пока ты там с помойкой разбирался, можно было бы уже преступника найти по горячим следам. Оставь место, впишу потом то, что узнал.

— Ну, во дела... Я пропустил самое интересное, у меня теперь не сойдутся пазлы, Лев Иванович, да я теперь спать спокойно не буду, — абсолютно равнодушно к лежащему рядом трупу и даже с иронией проговорил Крячко.

— Так оно и лучше, будешь, так сказать, объективно смотреть на ситуацию, авось что-то дельное сможешь предложить по расследованию. Фиксируй: убитая — Татьяна Николаевна Фельцман. Как говорят соседи, проживала одна, была довольно обеспеченной дамой. Примерное время обнаружения трупа — 8.15.

Тут Гуров услышал звук затвора фотоаппарата и взглянул на Анну. Как опытный опер, он понимал, что новичку непросто в этот момент, ведь когда-то он и сам был молод и зелен и чуть не упал в обморок при виде трупа. Аня стояла в сторонке и ответственно выполняла порученное задание. Девушка впервые видела убитого человека так близко. Она старалась даже не дышать, настолько ее впечатлила картина, представшая ее глазам. В какой-то момент практикантке даже стало пло-

хо, но сказать об этом, а тем более выйти из квартиры, она не захотела.

— При осмотре установлено, — продолжил Гуров, — место происшествия представляет собой жилую комнату десять на восемь метров с высотой потолка три метра. Стены отделаны тканевыми обоями бордового цвета с золотым тиснением. В спальне имеются два окна, расположенные на двух смежных стенах, оба плотно закрыты ночными шторами темно-коричневого цвета. Рамы окон деревянные, без следов взлома. Подоконники покрывает небольшой слой пыли, следы пальцев рук не обнаружены. Между окнами в углу стоит деревянная двуспальная кровать с резным изголовьем. Изголовье примыкает к стене с окном, выходящим во двор соседнего дома. Рядом на полу прикроватный коврик. На противоположной от кровати стене размещаются в шахматном порядке картины в количестве шести штук. На двух из них изображен летний пейзаж, три картины — с цветами, и одна из них — портрет молодой женщины, предположительно, самой покойной. Под стеной с картинами в углу стоит кресло с мягкой тканевой обивкой светло-зеленого оттенка. Такое же кресло находится в центре комнаты, рядом с деревянным журнальным столиком, оно имеет пятна бурого цвета, похожие на кровь. Под портретом женщины расположен торшер с металлическим кованым основанием и тек-

стильным абажуром. Рядом стоит напольная ваза, расписанная в китайском стиле. Слева от входной двери стоит металлическая скульптура в виде птицы. Пол покрывает ковер бежевого цвета со следами крови в центре. Пятно полужесткой крови размером шестьдесят на тридцать сантиметров. Справа от входной двери расположен книжный шкаф со стеклянными дверцами. Книги размещаются на пяти полках, вплотную друг к другу. На переднем плане стоят фарфоровые фигурки кукол в количестве двадцати пяти штук, а также фигурки слонов из слоновой кости в количестве семи штук. В зазоре между шкафом и стеной находится сейф с кодовым замком. Дверца сейфа открыта. Сейф пуст.

Анна слушала, как быстро и четко перечисляет увиденное Гуров и в то же время как сухо описывает он предметы богатого интерьера, которые достойны быть экспонатами в музее. Ведь это непростые вещи, которые можно найти на блошином рынке, это старина, которую хозяйка квартиры или ее отец скрупулезно собирали долгое время и, возможно, привозили из разных стран. Аня это воспринимала через призму событий, недавно произошедших в ее жизни, точнее сказать, в жизни ее отца. Дело в том, что тот по заданию клиентки пытался отыскать картину. Ревнивый муж решил отомстить жене за измены и тайно продал ее любимую карти-

ну, которая была весьма ценна не только как предмет искусства, но и как дорогая сердцу любвеобильной женщины вещь. Картину нашли с большим трудом, еще большего труда теперь стоит вернуть ее обратно, но это уже не входит в задачу частного детектива. А тут сухие определения таких изысканных вещей, с усердием собранных в одной квартире.

— Осмотр трупа, — вдруг громко сказал Гуров, прервав размышления Анны. — Труп расположен лицом вверх, головой к журнальному столику на расстоянии полутора метров от него, ноги направлены к стене с картинами, руки вытянуты вдоль туловища. На покойной надето длинное бархатное платье темно-синего цвета с запахом. Сзади платье обильно пропитано кровью. Серые волосы собраны в пучок и пропитаны кровью. В затылочной части головы в области теменного бугра обнаружена единственная глубокая рана с нарушением целостности кости, направленная сверху вниз.

— Тупым предметом нанесено, — вмешался Стас в повествование Гурова. — Что-то небольшое, но довольно тяжелое, то, чего тут, в комнате, нет.

Анна уже не слышала Крячко. У нее появилось тянущее ощущение в области желудка, обильное слюноотделение, головокружение, и она, шатаясь, выбежала из комнаты.

— И так долго продержалась, — проком-

ментировал Крячко реакцию практикантки на происходящее.

— Да, но показатели лучше, чем у меня молодого. Я сразу сдулся, как только парашютиста увидел. Как сейчас помню материалы того дела: с пятнадцатого этажа за долги мужика сбросили. Представляешь ту кашу на асфальте? И мне тогда, попрошу заметить, никто содействие и поддержку не оказывал, фотоаппарат для отвлечения и развлечения никто не давал. Еще и повреждения описать заставили. А какие тут повреждения, когда к горлу ком подступает. Эх, было время... Это сейчас мы, Стас, очерствели и бутерброд можем стрескать на месте, — подмигнул Гуров Крячко.

— Издеваешься, аппетит разыгрываешь, — усмехнулся Стас.

— Ну и все, значит, скажу Орлову, что адаптация новенькой будет проходить в тесном кругу сотрудников канцелярии. А что, тоже нужное дело. Почитает, попредставляет, а потом уже, так сказать, на основе нафантазированного напишет отчет по практике.

Спустя тридцать минут Аня вернулась в комнату. Пунцовый румянец выдавал ее недавние метаморфозы в организме и невероятное смущение.

— Я в строю, — тихо сказала девушка в ответ на вопрошающий взгляд своего куратора.

— Славно, только мы уже завершаем осмотр, — надменно бросил в ответ Гуров.

В комнате наблюдалась некоторая суета: труп готовили к отправке в морг, Крячко что-то усердно дописывал, не отрываясь от бумаги, Гуров ходил из стороны в сторону. Изымали последние вещественные доказательства: кто-то из помощников эксперта делал соскобы пятен, похожих на кровь, кто-то паковал в полиэтиленовый пакет какой-то волос непонятного происхождения. Во время этого броуновского движения была задействована дверь в спальню. Ее активно толкали туда-сюда, поскольку за ней эксперт-криминалист расположил один из своих чемоданчиков с разными принадлежностями и приспособлениями.

Аня с поникшим взглядом стояла рядом с этой дверью и уже не надеялась на снисхождение к себе. Она испытывала и досаду, и обиду и в то же время понимала, что провалила очень ответственный и такой важный экзамен. Место рядом с выходом и люди, постоянно толкающие ее с просьбой отойти, посторониться, как бы намекали, что она сегодня лишняя в этом процессе, то самое слабое звено. И вдруг практикантка обратила внимание на скрежет, который доставлял ей некоторый дискомфорт. Не то чтобы все остальное было комфортным и приятным, но этот звук особенно резал уши. Девушка забыла

о том, что обещала Гурову быть серой мышкой, и сначала опустилась на колени, а потом и вовсе практически легла на пол.

На мгновение все замерли и повернулись в сторону Анны, ее неестественная поза обращала на себя внимание, и процесс сборов приостановился. Ошибки не было — звук шел именно оттуда, из-под двери. Там оказался крупный красный камень, который по размеру был настолько большим, что прекрасно размещался в просвете между полом и дверью и одной из своих граней цеплял поверхности, издавая тот неприятный скрежет, который заметила только девушка.

— А вот вам еще один вещдок, — голосом победителя сообщила практикантка.

— Только не бери в руки! — бросился со всех ног и упал на пол Гуров.

Аня и не собиралась доставать этот камень, она все прекрасно осознавала, что на нем могут быть отпечатки пальцев убийцы, это и без университетов было понятно. Девушка испытывала ликование: она и никто другой, только она смогла найти этот ценнейший предмет. Он мог совершенно не пригодиться в дальнейшем, но в данный момент времени он принес ей успех и одобрение Гурова, а также реабилитировал ее в собственных глазах.

Осторожно, с помощью пинцета, Лев Иванович извлек камень. Это был потрясающей

красоты рубин. Аккуратно, едва дыша, он передал находку эксперту и подошел к Крячко.

— А она небезнадежна, — шепнул он на ухо Стасу. — Пожалуй, толк будет. Берем.

— Благодарю за помощь, Аннушка. Пришло и твое время собирать камни. Не робей, всему научим, — лукаво подмигнул девушке Гуров.

Анна расплылась в улыбке — о большем в этот первый день практики ей и мечтать не приходилось. У нее было огромное желание позвонить отцу и рассказать о том, какие приключения с ней происходят, но свободной минуты не предвиделось. В комнате появилось новое лицо — внучка покойной.

ГЛАВА 8

На пороге возникла молодая женщина лет тридцати, совершенно непривлекательная, в каком-то сером одеянии, дополнительно обезличивающем и без того заурядную внешность, в очках, которые постоянно опускались на кончик носа и требовали возвращения на прежнее место. Ее сопровождал участковый, который и сообщил Гурову о том, что это Жанна Вайцеховская — внучка Татьяны Николаевны Фельцман.

Так получилось, что, войдя в спальню, Жанна остановилась и оказалась плечом

к плечу с Аней. Они были одного роста, но в остальном девушки настолько отличались, что напоминали одну из тех картинок в рекламе, когда показывают результат «до и после». Жанна рядом смотрелась бледно, невзрачно и проигрывала Анне своим тусклым образом.

Чарующая и такая изысканная красота практикантки недаром покорила Крячко с первого взгляда. Балагур и весельчак буквально потерял дар речи при знакомстве с нею. Невозможно было выделить у Анны какую-то изюминку, она состояла из одних только достоинств, бывает же так, что человек не просто красив, а потрясающе красив от природы. Однако нужно отметить, что Аня умела подчеркнуть природные данные антуражем. Великолепный вкус и материальная поддержка отца позволяли Аннушке одеваться изысканно. Модная одежда, дорогая сумочка, туфли известной марки — все это не ускользнуло от внимательных глаз Гурова. Жена научила его разбираться в дамских штучках, поскольку немалая часть средств из семейного бюджета утекала именно на гардероб, а также на косметологические процедуры, маникюр и педикюр. Гуров был не против таких растрат, он и сам любил выглядеть с иголочки и сводить с ума женщин терпкими нотками своего люксового парфюма.

— Прошу вас, подойдите ближе, — прервал Гуров тишину в комнате, обратившись

к Жанне. — Кем доводится вам гражданка Фельцман?

— Это моя... Бабушка моя... Бабуля, — едва слышно прошептала Жанна и одновременно смахнула слезу и подвинула к переносице очки.

Было заметно, что Жанна волнуется, но ее максимально сдержанная реакция даже немного удивила присутствующих. Молодая женщина стояла неподвижно на одном месте и будто бы боролась со своими эмоциями. Прошло десять минут, и за это время не произошло ровным счетом ничего. Внучка убитой стояла и рассматривала лежащий перед ней труп бабушки, не задавая вопросов.

— Унесите, — скомандовал Гуров, — а родственницу покойной попрошу пройти на кухню.

Жанна покорно пошла за Гуровым, все так же не поднимая глаз. Анна хвостиком побрела за остальными, чтобы не пропустить что-либо интересное.

— Представьтесь, пожалуйста. Назовите свое полное имя, а также сколько вам лет и кем вы доводитеесь покойной, — начал беседу Гуров.

— Жанна Валентиновна Вайцеховская, тридцать один год, внучка Татьяны Николаевны, — робко ответила молодая женщина.

— Как и когда вам стало известно о произошедшем?

— Мне позвонила соседка бабушки — Зинаида Филипповна, — сказала и замолчала Жанна.

— Дальше... — поторопил Гуров.

— Она сказала, что бабушку убили, — выдавила из себя Жанна и снова затихла.

— Продолжайте, продолжайте, — подбодрил молодую женщину Гуров.

— Я сначала не поверила, подумала, что это какая-то злая шутка, — проговорила Жанна и вновь остановилась.

— А дальше-то что было? — не выдержав, спросил рядом стоящий Крячко.

Гуров бросил недовольный взгляд на Стаса, намекая на его несдержанность.

— Потом позвонил участковый и подтвердил смерть бабушки. Я выбежала из дома, поймала на улице такси и по дороге сюда попала в жуткую пробку, — совсем тихо пробормотала внучка хозяйки квартиры.

Было заметно, что Жанна очень напряжена, ее беспокоят незнакомые люди рядом и вся ситуация в целом. Родственники убитых, коих Гуров с Крячко повидали немало, так себя не ведут. Кто-то беспрерывно плачет и не может вымолвить ни слова первые минуты, кто-то, напротив, строит свои версии произошедшего и с ходу выдает перечень лиц, которые могли бы, по их мнению, совершить преступление. У Жанны была некоторая заторможенность. Она отвечала на вопросы, но

вяло и как-то нехотя. Такая медлительность раздражала Стаса, и Гуров, оценив всю сложность ситуации, понимая, что скоростью тут правды не добьешься, вызвал Крячко выйти в коридор на пару слов.

— Ну ты чего? — недовольно спросил Гуров товарища. — Чего торопишься?

— А чего тянуть кота за хвост, Лева? Ты же сам видишь, что она — ни рыба ни мясо.

— Это тебе не закоренелых жуликов колоть. Я вижу, что ты тоже заметил странности в поведении, но тут какой-то иной подход нужен. Психология, брат, психология, понимаешь?

— Подумаешь, цаца. Надавить малость, и речи ручьями польются. Ты видел, какая серость эта Жанна?.. Бабуля — миллионерша, а эта — как нищенка с паперти. Не будет сюрпризом, если окажется, что эта серая мышь и грохнула свою бабку, а потом пришла на место преступления посмотреть на результат своей работы.

— Твои выводы поспешны и необдуманны. Стас, я тебя не узнаю, — укорил Гуров Крячко.

Лев Иванович действительно считал, что не стоит торопиться, но в голове у него были те же мысли, что и у Крячко, ведь недаром столько лет они работают бок о бок. Только вот Стас все свои догадки никогда не мог держать при себе, а Гуров всегда отличался сдержанностью, принимал только взвешен-

ные решения, поэтому и слыл среди коллег одним из самых лучших сыщиков Москвы.

— Стас, убирай лишних людей с «поля боя» и возвращайся на кухню, — охладил тон беседы Гуров.

— Будет сделано, — подчинился Стас, как бы соглашаясь со своими ошибками.

ГЛАВА 9

Когда покойную увезли, а из квартиры удалились сотрудники, честно и добросовестно выполнившие свои обязанности, воцарилась тишина. Оставшаяся небольшая группа людей сосредоточилась на кухне, где Гуров продолжил беседу с Жанной:

— Расскажите о своей бабушке, о ее жизни. Возможно, вам известно, что пропало из квартиры?

— Да, известно, — опять занервничала Жанна и посмотрела Гурову прямо в глаза.

Это было короткое мгновение, когда с Вайцеховской впервые был установлен зрительный контакт. Потом вдруг молодая женщина быстро опустила глаза. Гуров наблюдал за всеми движениями Жанны, она была сама не своя. С одной стороны, казалось бы, ее можно понять, ведь у нее умерла родственница, но с другой — поведение выдавало все больше и больше странностей. Лев Иванович,

продолжая разговор, встал со стула и заходил по кухне. Тем временем он заметил одну очень важную вещь: Жанна сидела ровно и то и дело скручивала и раскручивала край скатерти, свисавший со стола. Она скручивала край скатерти так плотно, что получалась трубочка. Эта трубочка что-то напоминала полковнику, но он никак не мог понять, что именно.

Опять установилось молчание. Тогда Гуров подошел к окну и, стараясь разрядить обстановку, сказал:

— Красиво тут у вас. И у бабули вашей тоже красиво, любила она красоту, верно?

— Да, верно, — подхватила Жанна. — Она всегда любила все самое красивое и яркое, и я тоже люблю, это у нас от прадеда, он был замечательным человеком.

— А не он ли нарисовал портрет вашей бабушки в молодости, тот, что висит в спальне?

— Да, он, а как вы догадались? — воодушевилась Жанна.

Гуров не ответил, но по его молчанию молодая женщина поняла, что сыщик многое знает наперед. Полковник смог расположить к себе Жанну, нашел тот самый ключик, и она наконец-то начала выдавать долгожданную информацию.

— Прадед был ювелиром, но сначала он окончил художественную школу, иногда рисовал. Здесь, в квартире, есть несколько его картин, в том числе и портрет, который вы

заметили. Бабушка на нем совсем молодая, ей всего лет пятнадцать-шестнадцать. Николай Ароновича все уважали, он прожил хорошую, долгую жизнь и умер в девяносто три года, в отличие от бабули.

— А чем же была плоха жизнь бабули?

— Нет, я не это хотела сказать, просто вот как случилось, видите, — пояснила Жанна, имея в виду внезапную кончину Татьяны Николаевны.

— А Николай Аронович, ваш прадед, был искусным мастером, имел дело с драгоценными камнями? — продвигая дальше беседу, спросил Гуров.

— Ну естественно, в его золотых руках побывали самые крупные самоцветы нашей страны, он делал огранку лучших алмазов, я уж не говорю о золоте и серебре.

— А как попадали в его руки эти ценности, по каким-таким каналам?

— Этого я точно не знаю, вот только известно мне, что он настолько был хорош в своем деле, что его заказчики платили ему этими камнями. А теперь его работы в лапах убийцы.

— Может быть, пройдем в спальню, где как раз и поработал этот негодяй?

— Как скажете.

Жанна вновь переступила порог комнаты, в которой произошло убийство, и столкнулась глазами с огромным кровавым пятном на ковре. Гуров понимал, что снова мо-

жет потерять контакт с молодой женщиной, и начал издалека:

— Как же здесь много предметов искусства, эти пейзажи, великолепный портрет, а потрясающий торшер с бархатным абажуром!

Анна, услышав столь хвалебные оды в адрес интерьера, немного опешила, ведь совсем недавно из уст Гурова исходили сухие формулировки: картины и статуэтки описывались исключительно по количеству, а торшер был не потрясающим, а самым обыкновенным с текстильным, а не бархатным абажуром.

— Да, вы правы, в этой квартире каждая вещица имеет свою историю. Взять хотя бы эту антикварную скульптуру павлина. — Жанна плавно указала налево.

Анна припомнила: «Ага, она же, по словам полковника, — скульптура металлическая в виде птицы».

— Так-так, и что с ней? — внимательно слушал Лев Иванович.

— Это бронзовая скульптура-шкатулка. Ее прадед получил в награду за то, что правильно обработал один крупный алмаз, который в процессе огранки не раскололся на множество маленьких частей, как часто бывает, а потому камень не потерял свою стоимость. «Павлин» был очень дорог Николаю Ароновичу. Это японская вещица конца восемнадцатого века. По всей вероятности, в те времена, когда прадеду подарили эту скульптуру, она не

была столь ценной, как сейчас. В наше время антиквары гоняются за такими штуками. Или вот, хотя бы взять эти многочисленные статуэтки на полках, они стоят целое состояние, но все они были лишь памятными вещами, подарками разных знаменитых людей нашего города из того, прошлого поколения. Никто и не думал их выставлять на продажу.

Тут Жанна перевела взгляд на открытый сейф и опять побледнела.

— А что же украшения? — продолжил Гуров, продвигая рассказ к самому интересному моменту.

— Меня никогда не интересовали эти украшения, но бабушка их очень любила.

Жанна резко отвернулась и села на пуф, где недавно вольготно располагался Крячко. На журнальном столике, стоящем рядом, были фотографии покойной в рамках, вечерняя газета, чашка недопитого чая и салфетница в виде лебедя. Вайцеховская взяла одну салфетку и по старой привычке, подмеченной Гуровым, начала скручивать ее в трубочку. Молодая женщина опять нервничала.

— Бабуля всегда старалась хорошо выглядеть. Каждый день начинался у нее с того, что она приводила себя в порядок, словно собиралась в театр или на выставку. Даже отправляясь на дачу, она пудрила себе щеки и лоб и красила губы красной помадой. Что уж говорить, и драгоценности всегда были на ней.

— И вы можете описать все ее многочисленные бриллианты и алмазы?

— Конечно, даже показать некоторые смогу.

— Это как?

— В наших семейных альбомах осталось много фотографий, где бабушка красуется в разных побрякушках, большинство из них вы сможете рассмотреть там на ней.

Гуров заметил, с каким пренебрежением Жанна говорит о драгоценностях. Он не понимал, как человек одновременно может восторгаться работами прадеда и предметами антиквариата в квартире и при этом с таким безразличием и даже безразличностью говорить об украшениях бабушки. Что-то не клеилось у полковника, но чуйка работала, как всегда, отлично.

— Вот и славно, что у нас будут фотографии. Значит, скоро встретимся с вами снова. А расскажите о последней встрече с вашей бабушкой, может, она подозревала что-то или в ее поведении вы заметили какие-то изменения? Давно вы видели Татьяну Николаевну? — Гуров старался узнать как можно больше информации.

— Около недели назад была здесь. Ничего примечательного — обычная встреча. Выпили по чашке чая с тортом, поговорили о жизни, пригласили ее с Вадимом на нашу свадьбу, и все.

— То есть вы были с кем-то?

— Да, Вадим — мой жених. Они были уже знакомы с бабулей, он ей очень понравился, она одобрила мой выбор и наш союз. Еще бы он ей не понравился — красивый, стройный, обходительный и подает большие надежды как артист. У него очень тонкая душа, он такой ранимый, — романтично и даже с дрожью в голосе произнесла, очевидно, по уши влюбленная в жениха Жанна.

Гуров, понимая, что молодая женщина раскрепостилась и теперь готова к любым вопросам, воспользовался этой возможностью, причем задавал он их вразнобой, чтобы молодая особа не смогла предугадать ход дальнейших мыслей полковника:

— Жанна, взгляните на комнату еще раз, среди привычного порядка вещей нет ли того, что привлекает ваше внимание, может быть, пропало еще что-то, кроме украшений из сейфа?

— Нет, вроде бы все на своих местах, — охватила взглядом помещение молодая женщина.

— Вспомните, не заводила ли Татьяна Николаевна новых знакомств в последнее время и кто чаще всего бывал у нее в квартире?

— О новых знакомствах я не знаю, но вряд ли заводила, ведь ее маршрут в основном был до ближайшего магазина и на дачу, и в обоих случаях она передвигалась на такси, пото-

му что болели ноги. А чаще всего у нее бывали соседки — Зинаида Филипповна из тридцать восьмой квартиры и Лидия Семеновна из тридцать девятой. Лидия Семеновна частенько получала от бабушки подарки, она ее почему-то всегда жалела.

— А что же это были за подарки?

— Ерунда всякая. Что могут дарить друг другу пенсионерки? В основном — из одежды и продуктов что-нибудь.

— А не было ли зависти у Лидии Семеновны к убитой, как вы считаете?

— Вы что, подозреваете эту старушку? Ну не знаю... Она мне, конечно, никогда не нравилась, но соседей не выбирают, тем более это бабушкина подруга, а не моя. Мне всегда казалось, что она использует бабулю в своих корыстных целях, но я не придавала этому особого значения. У бабушки было достаточно средств, чтобы жить достойно самой и помогать окружающим.

— А вам Татьяна Николаевна помогала?

— Мне? Я взрослый человек, в помощи не нуждаюсь, — опять опустила глаза Жанна, потянулась за новой салфеткой, и пальцы молодой женщины стали ее скручивать. — Стоп, здесь на журнальном столике всегда стояла фарфоровая статуэтка «Юдифь». Сейчас ее нет. Пропала...

— А что это за статуэтка, как она выглядела, описать сможете?

— Конечно! А помните, в советское время очень были распространены репродукции «Юдифь», там изображена женщина с мечом, та самая «Юдифь», которая сначала соблазнила, а потом убила мужчину, отсекла ему голову. Довольно страшная история и коварная женщина, хотя она и действовала из чувства мести, во имя справедливости. Этот мужчина был полководцем, он уничтожил все посева и мужское население, а женщина отомстила ему таким изощренным способом. Это библейский сюжет, между прочим. Так вот, статуэтка представляла собой женщину с мечом. Сама скульптура сделана из фарфора, а меч — бронзовый. Восемнадцатый век, тоже предмет старины и довольно ценный. А мне никогда не нравилась эта «Юдифь», всегда считала ее злом и просила бабушку убрать подальше, вынести из спальни.

— А какое основание было у статуэтки?

— Она была крупной, тяжелой, несмотря на то что фигурка казалась воздушной, все из-за основания, оно цилиндрической формы и очень массивное, даже не знаю, из какого материала.

— Как хорошо вы умеете описывать предметы! — искренне удивился Гуров.

— Просто эти предметы у меня перед глазами с самого детства, и историю появления каждой вещи мне рассказывали не единожды, тут даже двоечник запомнит.

— Может, вы и этот предмет тоже узнаете? — вспомнил Гуров о находке Анны и достал из чемодана упакованный в пакет камень.

— О, откуда это у вас? Узнаю, конечно! Это рубин — весьма и весьма ценная вещь, потому что он очень крупный. Обычно считается, что рубины больших размеров, как правило, подделка, но в данном случае прадед имел дело с великолепным камнем. Сейчас выращивают рубины искусственно, а тогда это был настоящий шедевр. Этот рубин был частью композиции, частью букета из камней в броши. Где теперь эта брошь? — задумчиво сказала Жанна и загрустила. — Ведь это была семейная ценность, реликвия.

— Спасибо вам большое, Жанна Валентиновна, вы очень помогли следствию. В целях скорейшего раскрытия жестокого убийства вашей бабушки прошу вас сохранять всю полученную информацию в тайне и в ближайшее время жду вас у себя в кабинете с фотографиями украденных драгоценностей. Если вдруг что-то вспомните, позвоните по этому номеру, — вручил полковник карточку с телефонным номером Жанне.

— А как же квартира?

— Не беспокойтесь, все будет как в музее, мы ее опечатаем и оформим в качестве объекта охраны.

Жанна последний раз осмотрела комнату, сунула в карман скрученные салфет-